

Сенковский Осип Иванович

**Фантастические путешествия
Барона Брамбеуса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-74

О-74 **Осип Иванович С.**
Фантастические путешествия Барона Брамбеуса / Сенковский Осип Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 439 с.

ISBN 978-5-519-85366-8

ISBN 978-5-519-85366-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Осеппая екука.	VII.
Поэтическое путешествованіе по бѣлу-свѣту.	1.
Ученое путешествованіе на Медвѣжій Островъ.	67.
Соптименшальное путешествованіе на гору Этну.	265.

ОЦЕННЯЯ

СКУКА.

Любезный Докшоръ! Я принимаю ваше лекарство, но оно не производитъ ни какого дѣйствія. Я все спражду сплиномъ, который, при этой ужасной погодѣ, еще усиливается. Пельзя ли прописать мнѣ чего нибудь другаго, немножко покрѣпче? Мнѣ кажется, что если бы я прорѣзалъ себѣ горло перочиннымъ ножичкомъ, то чрезъ два дня былъ бы совершенно здоровъ и веселъ?....

Вашъ преданный,

Лордъ Кестлри.

Life and corresp. of Mar. Londonderry.

Темно! сыро!... На дворъ дождь. Посмотрише что за воздухъ! Возможно ли человѣку жить въ такомъ шажеломъ,

грязномъ расшворѣ мрака и болошной
 воды? Посмотрише на общество, опсы-
 рѣвшее опъ ненастнаго лѣта и осеннихъ
 шумановъ, подернутое мглою дремошы,
 томное, блѣдное, унылое; исхудавшее
 опъ безпорочности по службѣ, опъ
 неурожая по деревнямъ и опъ засухи,
 пошоянно господствующей въ Слове-
 сности; ищущее для себя пищи по спра-
 ницамъ вышедшихъ въ теченіе года
 книгъ, и, ища, зѣвающее надъ спра-
 ницами, и, зѣвая, раскрывающее ротъ
 шакъ широко, что когда нибудь на-
 дняхъ, — увидише! — оно вшянепъ въ
 горло и проглотитъ не только шощую
 нашу за весь годъ Словесность и по-
 чтенныхъ Словесниковъ, но и велико-
 лѣнное объявленіе А. Ф. Смирдина о
 новомъ журналѣ, съ полнымъ спискомъ
 нашихъ либерашурныхъ знаменишо-
 шей, съ нашими самолюбіями и свои-
 ми надеждами. Я весь дрожу при видѣ
 эшого воздуха и эшого опаснаго распо-

ложенія общесства къ судорожному зѣванію, — дрожу, и самъ зѣваю, по его примѣру. И долго ли будемъ мы такъ зѣвать на свѣтъ?.... Не понимаю, кому еще охота добровольно душишься въ такой убійственной атмосферѣ нравственной и физической скуки. Я, по крайней мѣрѣ, не хочу быть болѣе свидѣтелемъ этой умственной распушницы, по кошорой понятія наши тащутся такъ медленно и съ такимъ шрудомъ; гдѣ они безпрестанно вязнутъ въ черныхъ, широкихъ, 4-часныхъ лужахъ безвкусія; гдѣ шого и гляди, что ихъ запопчешъ въ грязь мимоѣздомъ первый шажелый спашье-писатель, скачущій на перекладныхъ къ литературной славѣ. Но, я думаю, и вы, храбрые чипатели всего печашнаго, шожѣ наскучили подобнымъ существованіемъ. Право, оно нестерпимо!... Такъ знаете ли, что я вамъ скажу? Я увѣренъ, что вы съ восхищеніемъ прими-

ше мое предложеніе. Пойдемъ, и бросимся въ Неву!.... Бросимся скорѣе, пока она еще не замерзла!...

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ намъ жишь на свѣшѣ? Погода ужасна, усы наши обвисли, газетны безъ новосшей, черныя галстуки угрожаютъ паденіемъ и могутъ увлечь круглыя бакенбарды въ общую развалину, театры представляютъ однѣ только картины и фанпазіи, картины почти ничего не представляютъ, въ Словесности не знаешь куда дѣваться отъ предисловія, въ гостиныхъ отъ лошереиныхъ билешовъ, у себя дома отъ безвременныхъ гостей и историческихъ романовъ, на улицѣ отъ успѣховъ промышленности. Рѣка цѣлую недѣлю несетъ ледъ; проза круглый годъ несетъ вздоръ; у насъ, на Руси, лучшія ея страницы засыпаны толстымъ слоемъ острыхъ, шероховатыхъ, засаженныхъ мѣстоименій *сей*

и *оный*, которыхъ, по проченіи, не смѣете вы даже произнести въ честной компаніи; кошорыми напередъ изранише себѣ до крови языкъ и руки, пока сквозь нихъ доберешесь до изящнаго. Развѣ эшо жизнь?... Лучше пойдемъ въ Неву! Ушонемъ всѣ вмѣспѣ, такъ по крайней мѣрѣ будешъ конецъ эшой скукъ.

А ежели вы не хошите, я пойду одинъ. Пойду!... Глядите же, и удивляйшесь моей рѣшимости. Когда меня не спанешъ, скажише моимъ знакомцамъ, что я ушонулъ съ унынія, съ опчаянія: пошому, что на свѣтѣ и въ Словесности въ нынѣшнемъ году было очень скучно; пошому, что Русская изящная Словесность XIX столѣтія не хотѣла говорить Русскимъ языкомъ XIX вѣка; что она тайно покупала у повыщиковъ въ числѣ прочаго казеннаго мѣспомненія *сей* и *оный*, пошла ими свои про-

изведенія, какъ собсшвенными дровами, и безвкусно испещряла всѣ свои строки; что она никакъ не соглашалась стряхнуть съ себя пыль канцелярскихъ формъ, описывала даже любовь и ея прелести слогомъ Думнаго Дьяка Власа Афанасьева, и заславляла меня, злополучнаго, думаешь на одномъ языкѣ, на шомъ, кошорымъ говорю я съ порядочными людьми, а пишешь на другомъ, кошорымъ не говоришь никшо на земномъ шарѣ. Скажите имъ чистосердечно, — зачѣмъ скрываешь истину? — что однажды, въ глубокую осень, въ сырую погоду, когда шемный и печальный воздухъ обыкновенно наводишь на людей меланхолію, яспрадалъ сплиномъ, и какъ-то пожелалъ сдѣлаться сочинителемъ; съелъ пишешь, — не забудьте, въ изящной прозѣ! — задумалъ первую фразу, кошорая въ моей мысли начиналась словами *Этотъ дуракъ....*, и, бывъ принужденъ написать вопреки моей совѣ-

спи и моему слуху *сей дуракъ* или *оный дуракъ*, побѣжалъ къ Невѣ, и ки-
нулся въ воду. Скажише имъ все эшо,
и прощайше.

Прощайше навсегда!... Чрезъ полчаса,
не далѣе, я безвозвратно разстанусь
съ эшимъ коварнымъ и двуличнымъ свѣ-
помъ, и переселюсь въ лучшій міръ,
шуда, гдѣ пишутъ шѣми же словами,
кошорыми говоряшъ. Прощайше! Иду!...

Куда?... Зачѣмъ?... Не сумасшедшій ли
я? Лишаешь себя жизни изъ-за канцеляр-
скихъ мѣстоименій!... Я былъ бы на-
стоящій *сей*, *оный*, и даже *упомяну-*
тый дуракъ, если бъ сгубилъ свою
душу изъ-за такой ничтожной причи-
ны. Нужно имѣть нѣсколько философіи.
Я могу вооружиться ею, и благородно,
великодушно презрѣшь подобныя мѣ-
стоименія, какъ Александръ Великій пре-
зрѣлъ наглосъ Скиѳовъ. Да!... конечно:

я ихъ презираю. Чшо они мнѣ сдѣлають? Буду на зло имъ жишь на свѣпѣ; жишь нарочно для шого, чшобъ огорчашъ ихъ моею къ нимъ холодношью, чшобъ бѣсишь ихъ, чшобъ ихъ самихъ привеспи въ опчаяніе и заспавишь, подобно шѣснимой дымомъ саранчѣ, сняшься шучею съ поля Словесноспи и опрокнушься въ Неву.

Какъ-будшо не найду я средства пріятно провеспи дождливое время, не вдаваясь въ изящную прозу и въ авторство! Вмѣсто шого, чшобъ бросаться въ рѣку, я опредѣлюсь въ судьи. Вы не можеше себѣ представишь, какъ привольно бышь судьею въ дурную погоду. Правда, чшо судишь о людяхъ и вещахъ весъма шрудно: на шо шребуешся много ума, познаній, опытноспи; но судишь людей и вещи совсѣмъ другое дѣло, — бездѣлица! Сшоишь только сѣспь и судишь. И какъ мнѣ будешъ